
18+
НАКОРМИ МЕНЯ СВОИМ ГОЛОДОМ
СОФИЯ ВИЛЬНЕР

София Вильнер

Накорми меня своим голодом

«Издательские решения»

Вильнер С.

Накорми меня своим голодом / С. Вильнер — «Издательские решения»,

Этот роман родился из одного образа: женщина, у которой есть всё, но внутри — пустота. Она приезжает в отель на краю света и встречает того, кто эту пустоту заполняет. Только вот заполняет он её не любовью, а голодом.От автора: Это не история о демоне. Это история о том, как легко мы отдаём себя тем, кто нас разрушает, и как трудно потом вернуть себя обратно. Если вам будет страшно — я рада. Значит, у меня получилось.

© Вильнер С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Отель, которого нет на картах 6
Глава 2. Скалы и шёпоты 12
Глава 3. Человек в чёрном 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Накорми меня своим голодом

София Вильнер

© София Вильнер, 2026

ISBN 978-5-0071-4417-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Отель, которого нет на картах

Её звали Анна. Анна Сергеевна Воронцова.

Тридцать четыре года, идеальная осанка, дорогой кашемировый жакет цвета тёмной сливы, часы «Cartier» на тонком запястье. Лицо из тех, что называют породистыми: высокие скулы, серые глаза с холодным блеском, губы, которые редко улыбались искренне. Она была красива той красотой, что заставляет мужчин нервно поправлять галстуки и говорить глупости.

Анна возглавляла департамент стратегического развития в крупной инвестиционной компании. Её день начинался в семь утра с чашки чёрного кофе без сахара и заканчивался после полуночи. Она управляла людьми, деньгами, процессами. Её боялись и уважали. Ей завидовали.

Но внутри неё росла пустота.

Она имела привкус пепла. Анна просыпалась по ночам и лежала в темноте, глядя в потолок, чувствуя, как сердце бьётся ровно и бессмысленно. Мужчины, появлявшиеся в её жизни, были как дорогие аксессуары, красивые, функциональные, взаимозаменяемые. Она меняла их без сожалений. Секс стал рутиной, еда — необходимостью, развлечения — обязанностью.

Однажды ночью, в третьем часу, когда город за окном затих до едва слышного гула, Анна набрала номер психотерапевта. Не потому, что случилось что-то экстренное. Просто ждать до утра не было сил.

— Мне нужен отдых, — сказала она без приветствия. — Не спа. Не пляж. Не «всё включено». Что-нибудь другое.

В трубке помолчали.

— Есть одно место, — произнесла наконец пожилая дама, и в её голосе Анне послышалась странная неуверенность. — Но я не уверена, что оно вам подойдёт.

— Почему?

— Потому что оттуда возвращаются. Но не все.

Анна усмехнулась, глядя на тёмное окно. По стеклу ползли редкие капли — начинался дождь.

— Звучит как плохая реклама.

— Это не реклама. Это предупреждение.

Психотерапевт продиктовала номер. Семизначный. Анна записала его на салфетке, лежавшей на тумбочке. Стационарный, не мобильный — машинально отметила она. Странно для гостиничного бизнеса в двадцать первом веке.

Она позвонила на следующий день, между совещанием по слиянию и переговорами с подрядчиком. Трубку взяли сразу, будто ждали именно её звонка.

— Отель «Чёрный мыс». Слушаю вас.

Голос был мужской. Приятный, хорошо поставленный, с лёгкой хрипотцой, как у диктора радио. Анна на секунду растерялась — она ожидала услышать кого угодно, только не это.

— Я хотела бы забронировать номер, — сказала она. — На две недели.

— Конечно. Ваше имя?

— Воронцова. Анна Сергеевна.

Пауза. Короткая, но ощутимая, как щелчок невидимого замка.

— Анна Воронцова, — повторил голос, и в нём появилась новая интонация: не то узнавание, не то тихое удовлетворение. — Номер тридцать три. Третий этаж. Угловой, с видом на море. Вас устроит?

— Устроит.

— Замечательно. Когда вас ждать?

— Послезавтра.

— Отлично. Мы подготовим номер. И, Анна… — голос сделал паузу. — Постарайтесь приехать засветло.

— Почему?

— Дорога к нам непростая. В темноте легко заплутать.

Он положил трубку прежде, чем Анна успела спросить, что значит «непростая».

Самолёт до Симферополя, затем такси по серпантину. Через два часа пути пропала связь: сначала интернет, потом сотовая сеть. Телефон превратился в бесполезный кусок стекла и металла. Таксист, пожилой крымчанин с тёмными, глубоко посаженными глазами, за всю дорогу не проронил ни слова. Только когда впереди показался покосившийся деревянный указатель, он произнёс:

— Здесь. Дальше я не поеду.

— Но отеля не видно.

— Он за поворотом. Идите по тропе. Минут десять.

Анна расплатилась, вышла из машины, достала чемодан. Таксист развернулся и уехал, не попрощавшись. Вскоре звук мотора растворился в шуме ветра.

Она осталась одна.

Тропа вела вверх, в скалу. Узкая, вытоптанная, с выщербленными ступенями, вырубленными прямо в камне. Анна шла медленно, чувствуя, как тонкая подошва туфель скользит по влажным камням. Ветер усиливался, толкал в спину, будто подгонял.

Через десять минут она увидела его.

Отель стоял на краю обрыва, вцепившись в скалу, как хищная птица, готовая сорваться вниз. Трёхэтажное здание из тёмного, почти чёрного камня, увитое плющом до самой крыши. Узкие стрельчатые окна, кованый козырёк над входом, тяжёлая дубовая дверь с бронзовым кольцом вместо ручки.

И над всем этим — тишина. Не пустая, а наполненная. Словно дом затаил дыхание.

Анна подошла к двери. Прежде чем она успела взяться за кольцо, дверь распахнулась сама.

— Анна Сергеевна! — произнёс мужской голос. — Добро пожаловать!

На пороге стоял человек.

Высокий, подтянутый, лет пятидесяти на вид. Безупречный тёмный костюм-тройка, седые виски, холёное лицо. Доброжелательная улыбка, от которой вокруг глаз собирались мелкие морщинки. Он напоминал управляющего старинным банком или метрдотеля дорогого ресторана.

Но было в нём что-то ещё. Что-то, что Анна не смогла определить сразу. Может быть, взгляд, слишком цепкий для человека, который просто встречает гостей. А может, перстень на безымянном пальце левой руки, массивный, с тёмным камнем, в глубине которого что-то едва заметно мерцало.

— Я Габриэль, — представился он, слегка наклоняя голову. — Администратор и смотритель этого места. Рад, что вы добрались.

— Вы говорили по телефону, — сказала Анна.

— Верно. Прошу.

Он отступил в сторону, пропуская её внутрь.

Холл отеля был огромным и мрачным, как церковный неф. Высокие потолки тонули в темноте, которую не могли разогнать ни свечи в бронзовых канделябрах, ни слабый свет из узких окон. Пахло старым деревом, воском и чем-то ещё, едва уловимым, сладковатым, как сухие цветы.

Анна остановилась посреди холла. Что-то было не так. Она не сразу поняла, что именно. А потом осознала: тишина. Здесь не было слышно ни ветра, ни моря, ни скрипа половиц. Даже звук её шагов поглощался этим местом, будто стены впитывали каждый шорох. Она кашлянула

— звук получился глухой, ватный, словно ушёл в толстый ковёр. Анна прислушалась. Тишина стояла такая плотная, что, казалось, её можно коснуться рукой.

— У нас нет лифта, — сообщил Габриэль, подхватывая её чемодан. — Только лестница. Надеюсь, это не станет проблемой.

— Не станет.

— Прекрасно. Ваш номер — тридцать третий. Лучший в отеле.

Он повёл её к лестнице — широкой, с резными перилами из тёмного дерева. Поднимаясь, Анна невольно провела ладонью по перилам. Дерево было тёплым, словно его только что гладила чья-то рука. Она отдёрнула ладонь.

— Габриэль, — позвала она, — вы сказали по телефону, что в темноте легко заплутать. Что вы имели в виду?

Он не обернулся.

— Туман. Густой, как молоко. Он приходит с моря после заката. В нём не видно ни зги. — Габриэль сделал паузу. — И в нём легко принять неверный поворот.

— А что будет, если принять неверный поворот?

Он остановился на площадке между этажами и повернулся к ней. Улыбка его осталась прежней — доброжелательной, даже тёплой. Но глаза не улыбались.

— Тогда выйдете к обрыву.

Он произнёс это так буднично, что Анна не сразу поняла смысл. А когда поняла — холод пробежал по позвоночнику, от копчика до затылка, как будто кто-то провёл по спине ледяным пальцем.

Номер тридцать три оказался огромным.

Высокие потолки с лепниной в виде переплетённых виноградных лоз. Стены, обшитые тёмными деревянными панелями. Широкая кровать под тяжёлым балдахином из потемневшего бархата. У окна — два кресла с высокими спинками и круглый столик с бронзовым канделябром. В углу — камин, сложенный из дикого камня.

Анна подошла к окну.

Внизу, в сотне метров под обрывом, дышало море. Тёмно-серое, тяжёлое, с белыми прожилками пены на гребнях волн. Оно не шумело, оно вздыхало. Низко, утробно, как большой зверь во сне.

— Вам нравится? — спросил Габриэль.

— Очень атмосферно, — ответила Анна, не оборачиваясь.

— Рад слышать. Ужин в семь. Не опаздывайте — у нас немного гостей, и кухня не работает допоздна.

— А после ужина?

— После ужина я бы рекомендовал остаться в номере. Вечером здесь беспокойно.

— Беспокойно?

— Ветер. Он воет в скалах так, что можно принять его за голос. Некоторые гости пугаются.

Анна повернулась к нему.

— А вы?

— Я привык.

Он поставил чемодан у кровати и направился к двери. У порога остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— Если что-то понадобится, просто дёрните шнур у камина. Это старинный вызов прислуги. Редкость, но работает. Хотя… — он замялся. — Ночью лучше не дёргать.

— Почему?

— Потому что ночью на звонок может ответить не тот, кого вы ждёте.

И вышел, прежде чем Анна успела спросить, что это значит.

Вечером она спустилась к ужину.

Столовая была обшита тёмным дубом. Свечи в тяжёлых подсвечниках горели ровно, не колеблясь, хотя из окон явно тянуло сквозняком. Кроме Анны, в зале был только один человек.

Мужчина лет сорока пяти, худой, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Одет во всё чёрное — чёрный свитер с высоким воротом, чёрные брюки. Перед ним стояла тарелка с нетронутым супом. Он не ел. Он сидел неподвижно, сложив руки на столе, и смотрел в темноту за окном.

Когда Анна проходила мимо, он повернул голову. Глаза у него были светлые, водянистые, но взгляд — тяжёлый, липкий. На шее, чуть ниже кадыка, Анна заметила шрам. Тонкий, белый, как будто кто-то провёл по горлу лезвием и раздумал.

Он не поздоровался. Только проводил её взглядом, и Анна физически почувствовала этот взгляд на своей спине, между лопаток, как прикосновение холодной монеты.

Она села за свой стол. Есть не хотелось. Она взяла бокал с водой, поднесла к губам. И замерла.

Вода пахла железом.

Нет, не так. Вода отдавала железом — тем самым привкусом, который появляется во рту, когда прикусишь губу. Анна отставила бокал, посмотрела на жидкость. Вода была прозрачной, чистой, без единой соринки. Но запах не проходил. Он был не в бокале. Он был в воздухе. Или в ней самой.

Она снова поднесла бокал к губам. Теперь железо ощущалось на языке, холодное, вязкое, как будто она лизнула лезвие ножа. Анна отставила бокал подальше и больше к нему не притронулась.

— Вы впервые здесь? — раздался голос.

Анна вздрогнула. Рядом с её столом стоял тот самый бледный мужчина. Она не слышала, как он подошёл. Не слышала ни шагов, ни скрипа половиц.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Не ходите после заката к обрыву. И не слушайте шёпоты.

— Какие шёпоты?

Он не ответил. Вместо этого поднял руку и показал ей ладонь. На коже, прямо посередине, был выжжен символ. Круг, вписанный в треугольник. Или треугольник, пронзённый кругом. Анна не успела разглядеть.

— Это защита, — сказал он тихо. — Не помогает. Но даёт время.

Он опустил руку, развернулся и пошёл прочь. У двери остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— Если он придёт к вам ночью, не открывайте глаза.

И ушёл.

Анна осталась сидеть, глядя на дверь, за которой он исчез. Вода в бокале пахла железом. Свечи горели ровно, не колеблясь.

И вдруг она это услышала.

Вздох.

Низкий, протяжный, как будто кто-то огромный выдохнул прямо под полом. Анна замерла, вцепившись пальцами в край стола. Вздох повторился. Теперь он был ближе или ей показалось? Пол под ногами едва заметно дрогнул, словно внизу, под каменными плитами, ворочалось что-то живое.

Анна медленно опустила взгляд.

Под её стулом, в щели между каменными плитами, что-то темнело. Что-то влажное, блестящее, как пятно машинного масла.

Она резко встала. Стул с грохотом опрокинулся. Тишина, которая до этого поглощала каждый звук, вдруг лопнула, как натянутая струна. Где-то наверху хлопнула дверь. Ветер ударил в окно, и стёкла задрожали.

Анна выбежала из столовой.

Она вернулась в номер, когда за окнами уже сгустилась тьма. Заперла дверь на ключ, задёрнула тяжёлые шторы, надела шёлковую ночную рубашку. Сон пришёл быстро — слишком быстро, как будто кто-то нажал невидимый выключатель.

Проснулась она от холода.

Окно было открыто настежь, хотя она помнила, что закрывала его. Штора колыхалась, как живая. В комнате стоял запах терпкий, густой, с нотками мускуса, полыни и дыма. Так пахнет шерсть дикого зверя.

И ещё был другой запах. Тонкий, сладковатый, отвратительный. Так пахнет падаль.

И железо.

Теперь она чувствовала его отчётливо, тот самый металлический привкус, который почувствовала за ужином. Он висел в воздухе, как невидимый туман, проникал в ноздри, оседал на языке.

— Кто здесь? — спросила Анна в темноту.

Тишина. Только море внизу бьётся о скалы.

А потом она увидела его.

Он стоял в углу комнаты, у камина. Там, где сгущались тени. Высокий — значительно выше обычного человека. Темноволосый, с резкими, словно вырезанными из тёмного камня чертами лица. Одет в старинный камзол с серебряным шитьём, но ткань казалась живой, она шевелилась, как будто под ней перекатывались мышцы.

Лицо было прекрасным и пугающим одновременно. Слишком правильное, слишком симметричное, слишком нечеловеческое. Глаза чёрные, абсолютно чёрные, без белков, без зрачков, без глубины. Два провала, в которых не отражался свет.

Но самое страшное было не в глазах.

Самое страшное — это его неподвижность. Он стоял, не дыша, не моргая, не переминаясь с ноги на ногу. Так стоят не люди. Так стоят манекены. Или статуи. Или хищники перед прыжком.

И вдруг Анна вспомнила слова человека в чёрном: «Не открывайте глаза».

Но было поздно. Она уже смотрела.

— Ты звала меня, — сказал он.

Голос был низкий, с вибрацией, от которой задрожали стёкла в рамах. Но он говорил, не открывая рта. Анна видела это отчётливо: его губы не шевелились. Голос звучал прямо у неё в голове.

— Я никого не звала, — прошептала она, но страха не было. Было что-то другое, острое, как электричество, как удар тока в позвоночник.

— Вы все зовёте. Просто не знаете об этом.

Он шагнул к ней. В воздухе запахло озоном, как перед грозой. И железом. Теперь Анна поняла: этот запах шёл от него. Он был его частью, как дыхание, как голос, как взгляд.

Он остановился у кровати, глядя на неё сверху вниз. Потом медленно, очень медленно протянул руку и коснулся её лица.

Пальцы были горячими, как угли. Анна зашипела от боли, но не отстранилась. Наоборот, она подалась вперёд, сама не понимая, что делает.

— Меня зовут Ашмедай, — произнёс он, наклоняясь к её уху. Его дыхание обожгло кожу, и Анна почувствовала тот самый привкус, железо, смешанное с солью. — Я старше, чем это место. Я старше, чем эти скалы. Я старше, чем ваше понятие о времени.

Он замолчал, и Анна почувствовала, как что-то проникает в неё, не рука, не плоть, а что-то иное. Какое-то давление, как будто её разум сжимали невидимые тиски.

— Ты любопытна, — продолжил он. — Ты пуста. Ты голодна. Ты идеально подходишь.

— Для чего? — прошептала она.

— Узнаешь. Не сегодня.

Дальше всё смешалось.

Он не был ласков. В его прикосновениях не было нежности, только жажда, древняя и всепоглощающая. Он сдёрнул с неё одеяло, разорвал шёлковую рубашку. Его руки были везде: на её шее, груди, бёдрах. Они оставляли ожоги, которые не болели, а пульсировали странным, почти приятным жаром.

Но в его движениях было что-то неправильное. Он двигался не так, как человек. Его суставы гнулись под странными углами, его тело меняло очертания, как дым. В какой-то момент Анна увидела, что у него слишком много пальцев на руке. Шесть? Семь? Она не успела сосчитать.

А потом был секс. Или то, что Анна приняла за секс. То, что делал Ашмедай, не имело отношения к человеческой близости. Он проникал в неё не только телом, но и чем-то иным, чем-то, что она ощущала как вторжение в самую суть. Он был горячим, невыносимо горячим, как расплавленный металл. Он двигался в ней, и каждый толчок был как взрыв — ослепительный, разрушительный, уничтожающий.

Он шептал ей слова — прямо в мозг, не в уши. Слова на языке, которого она не знала, но почему-то понимала. Это был древний язык, язык желания, страсти, одержимости. Он называл её не по имени. Он называл её «сосуд», «пламя», «звук». Он говорил о ней так, как говорят о вещи.

— Ты станешь мной, — шептал он. — А я стану тобой. Мы сольёмся. Навсегда.

И Анна, теряя сознание, не могла понять, обещание это или угроза.

Перед рассветом, когда она уже не могла ни кричать, ни стонать, ни дышать, он остановился. Наклонился к её лицу. Его чёрные глаза были так близко, что она видела в них своё отражение искажённое, переломанное.

— Ты моя, — сказал он. — Запомни это.

И исчез, растворился в тенях, оставив после себя только запах дыма, полыни, гнили.

И железа.

Анна лежала на смятых, пропитанных потом простынях, не в силах пошевелиться. Тело горело, внизу живота пульсировала сладкая, ноющая боль. На коже, красные отметины, следы его пальцев, его губ, его зубов.

Она поднесла руку к лицу. Пальцы дрожали.

И только тогда, в сером свете наступающего утра, она заметила, что на подушке рядом с ней лежит то, чего не было раньше. Чёрное воронье перо. Оно было горячим, как будто только что вырванным из живой птицы.

А под подушкой лежал маленький серебряный крест. Перевёрнутый.

Анна сглотнула. Во рту стоял привкус железа.

Теперь она знала: этот вкус останется с ней навсегда.

Она привыкла всё контролировать. Сделки, мужчин, собственную жизнь. Но отель «Чёрный мыс» не значился на картах, а его смотритель улыбался одними губами. Когда ночью к Анне пришёл тот, кто ждал её сто лет, она поняла: есть вещи, которым нельзя приказывать. И есть голод, который не утолить. Он не ласков. Он не человек.

Глава 2. Скалы и шёпоты

Следующие дни Анна прожила как в тумане. Она спускалась к завтраку, механически ела, пила кофе, но мысли её были далеко. Точнее, не далеко, они были в номере тридцать три, в углу у камина, где впервые появился Ашмедай.

Днём она выходила на прогулки. Тропа вдоль обрыва стала её единственным маршрутом: вниз, к морю, потом обратно. Каждый раз одно и то же, шёпоты, вздохи, обрывки слов, которые ветер приносил с воды. Анна старалась не останавливаться. Ей казалось: если она замедлит шаг, голос настигнет её.

На третий день она всё-таки остановилась.

Это случилось у самого края, там, где тропа сужалась до ширины ладони, а внизу, в сотне метров, грохотала вода. Ветер стих внезапно, будто кто-то зажал ему рот ладонью. Тишина навалилась, как удар, — плотная, осязаемая, она давила на уши, на виски, на грудь. Анна почувствовала, как воздух стал густым, как кисель. Каждый вдох давался с усилием, будто она дышала через мокрую ткань.

И в этой тишине она услышала:

— Иди.

Голос был не снаружи. Он звучал внутри, в самом центре головы, как будто кто-то говорил прямо в её мысли. Анна обернулась. Никого. Только камни и сухая трава, пригнувшаяся к земле.

— Ближе.

Она не хотела идти. Но её тело уже не принадлежало ей. Правая нога сделала шаг вперёд. Потом левая. Медленно, как во сне, Анна приближалась к краю. Она чувствовала, как ветер, вернувшийся откуда-то сзади, толкает в спину. Она чувствовала, как пальцы ног, обутых в тонкие туфли, уже свисают над пустотой. Она видела внизу тёмную воду, которая ворочалась у подножия скалы, лизала камни, оставляя на них белую пену. Вода была так близко и так далеко.

— Ещё шаг, — шепнул голос.

Анна подняла ногу. Пустота ждала. Ещё мгновение и всё закончится.

И вдруг острая боль в ладони.

Она схватилась за камень, торчащий из земли у самого края. Камень был холодным, грубым, с острыми гранями. Он разрезал кожу, и Анна почувствовала, как по запястью побежала тёплая струйка. Но боль отрезвила. Словно кто-то плеснул ледяной водой в лицо.

Она отшатнулась, упала на колени, отползла прочь. Камни царапали ладони. Голос в голове замолчал, но в ушах ещё долго звенело, как после удара.

Анна остановилась только у самой тропы, вцепившись в сухую траву. Сердце билось так, что казалось, оно вот-вот проломит рёбра. Ладонь кровоточила. Она поднесла её к лицу. Кровь была тёмной, почти чёрной. И пахла железом тем самым, что она чувствовала во рту, когда пила воду.

Вечером, вернувшись в отель, она нашла Габриэля в холле. Он сидел за стойкой и перелистывал журнал. Анна подошла ближе и остановилась. Журнал был пуст. Страницы плотные, желтоватые, явно дорогие не имели ни единой строки, ни единого знака. Но когда Габриэль переворачивал очередную страницу, Анна вдруг заметила: на миг, на долю секунды, на бумаге проступили тёмные линии. Не буквы, не цифры, что-то иное. Что-то, что напоминало трещины на льду или корни мёртвого дерева. Она моргнула, и страница снова стала пустой.

— Вы поранились, — сказал Габриэль, не поднимая глаз.

Анна машинально спрятала руку за спину.

— Пустяк. Поцарапалась о камень.

— Это не пустяк. — Он наконец посмотрел на неё. Взгляд его был спокойным, но тяжёлым, как каменная плита. — Он звал вас.

Это был не вопрос. Утверждение.

— Я не знаю, что это было.

— Это был он, — Габриэль закрыл журнал и отложил его в сторону. Обложка была чёрной, без названия, и от неё слабо пахло гарью. — Ашмедай. Тот, кто живёт под скалой.

Анна почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Откуда вы знаете о нём?

— Я смотритель этого места, Анна. Я знаю всё, что здесь происходит. — Он сделал паузу. — Я знаю, когда он приходит. Знаю, к кому. Знаю, чем это заканчивается.

— И чем же?

Габриэль посмотрел на неё долгим взглядом. Впервые за всё время его улыбка исчезла.

— Плохо, — сказал он тихо. — Всегда плохо.

— Кто он?

— Демон страсти. — Габриэль откинулся на спинку стула. — Говорят, он выбирает себе невесту. Раз в сто лет. И приходит к ней, где бы она ни была.

— И что потом?

— Потом она умирает.

Он произнёс это так буднично, что Анна не сразу поняла смысл. А когда поняла, в груди что-то оборвалось.

— Все? — спросила она шёпотом.

— Все, — подтвердил Габриэль. — Кроме одной. Но её история — совсем другая.

Он замолчал и отвернулся к окну. Анна видела, как его пальцы сжимают край стойки так сильно, что побелели костяшки. Что-то в этом жесте было странное. Что-то личное.

— Габриэль, — позвала она. — Вы знали эту женщину?

Он не ответил. Только ещё сильнее сжал пальцы.

— Вы знали её, — повторила Анна. — Кто она?

— Идите спать, — сказал он глухо. — Вам нужно отдохнуть.

— Я не уйду, пока вы не ответите.

Габриэль медленно повернулся к ней. В его глазах — впервые за всё время — Анна увидела нечто живое. Боль? Тоску? Страх? Она не могла понять.

— Это была моя дочь, — сказал он.

Слова повисли в воздухе, как звон разбитого стекла.

— Её звали Мария. — Габриэль говорил тихо, почти беззвучно. — Она приехала сюда двенадцать лет назад. Такая же, как вы. Красивая. Успешная. Пустая. — Он сделал паузу. — И он пришёл к ней.

Анна молчала. Ей хотелось спросить, но слова застревали в горле, как кости.

— Она была юристом, — продолжил Габриэль, и голос его звучал так, будто он рассказывал о чём-то давно пережитом, но не забытом. —Работала в крупной фирме. Всё у неё было: квартира, машина, жених. А внутри — пустота. — Он усмехнулся уголком губ, но усмешка вышла горькой. — Вы не поверите, как часто я вижу таких женщин. Они приезжают сюда одна за другой. И каждая думает, что её пустота, особенная.

— Где она теперь? — спросила Анна. Голос прозвучал тише, чем она рассчитывала.

— Нигде. — Габриэль посмотрел ей прямо в глаза.

Анна почувствовала, как внутри что-то обрывается.

— Но вы же сказали, она выжила…

— Выжила, если это можно назвать жизнью. — Габриэль отвернулся. —Она уехала отсюда, я думал, что спас её. Но он звал её. Каждую ночь. Каждую минуту. Она не могла есть, не могла спать. Она таяла, как свеча. — Он сделал паузу. — А потом просто не проснулась.

— Почему вы не уехали отсюда? — спросила Анна. — После всего, что случилось?

Габриэль долго молчал. Потом произнёс тихо:

— Потому что я должен был остаться. Чтобы предупреждать таких, как вы.

— Но это не помогает, — сказала Анна, и в её голосе прозвучало что-то, чего она сама не ожидала: горечь.

— Нет, — согласился Габриэль. — Не помогает, ник то не слушает.

Он взял со стойки ключ с бородкой в форме клыка и повертел в пальцах. Потом положил его обратно и посмотрел на Анну.

— Он уже взял вас, — сказал он. — Я вижу это по вашим глазам. Вы ещё не понимаете, что произошло. Но поймёте. Скоро.

Анна не нашлась, что ответить. Она развернулась и пошла к лестнице. На полпути остановилась и, не оборачиваясь, спросила:

— Габриэль, а где её комната?

— Чья?

— Марии. В каком номере она жила?

Габриэль помолчал.

— В тридцать третьем, — сказал он наконец. — В том же, что и вы.

Анна поднялась в номер, не чувствуя ног. Открыла дверь, вошла, закрыла за собой. Всё было на своих местах: кровать под балдахином, кресла у окна, камин с тёплым пеплом. Но теперь каждая деталь казалась пропитанной чужим присутствием. Чужой жизнью. Чужой смертью.

Анна подошла к туалетному столику. Тот самый серебряный гребень, на котором запутался тёмный волос. Не её. Марии.

Она взяла гребень в руки. Металл был холодным. Анна перевернула его и увидела на обратной стороне гравировку. Мелкие буквы, почти стёршиеся от времени:

Глава 3. Человек в чёрном

На пятый день Анна спустилась в холл раньше обычного. Сон не шёл, аппетит пропал, а в номере стало невыносимо: воздух пах дымом, хотя камин не топили.

Она села в кресло у окна. Холод шёл изнутри, из самой глубины груди, и плед, который она накинула на плечи, не помогал.

— Вы не спите.

Анна не вздрогнула. Она уже научилась узнавать его появление: воздух в холле едва заметно сгущался, а запах свечей становился горьким, как полынь.

Человек в чёрном стоял у окна. Лицо серое, как пепел. Под глазами были тёмные провалы. Левая рука мелко дрожала, и он прижимал её к бедру, будто пытался унять.

— И вы, — ответила Анна.

— Я почти не сплю уже много лет. — Он сел в кресло напротив, не спрашивая разрешения. — С тех пор, как он забрал её.

— Жену?

— Да. Её звали Вера. — Он произнёс имя так, будто пробовал на вкус после долгих лет молчания. — Она была художницей. Писала море. Говорила, что в нём есть что-то живое. — Он покачал головой. — Она не знала, насколько была права.

— Что с ней случилось?

— Она приехала сюда писать. Осенью. Одна. — Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. — Через неделю перестала отвечать на звонки. Я приехал. Нашёл её у обрыва. Она стояла на краю и смотрела вниз. Я позвал её — она не услышала. А потом обернулась. И я понял: её больше нет.

— Она погибла?

— Нет. Умерла через год. Дома. В кровати. Врачи сказали — сердечная недостаточность. Но я знаю, что это был он. — Человек в чёрном открыл глаза и посмотрел на Анну. — Он забрал её до конца.

Анна почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Почему вы здесь? — спросила она.

— Потому что должен остановить его. Или хотя бы попытаться.

— Как?

Человек в чёрном поднял левую руку и развернул ладонью вверх. На коже, прямо посередине, был выжжен символ — круг, вписанный в треугольник. Неровный, грубый.

— Это печать, — сказал он. — Древняя. Он не может войти в комнату, где есть такая.

— Но вы сказали, что он забрал вашу жену.

— Она стёрла печать. — Он сжал ладонь в кулак. — За день до смерти. Смыла. Сказала, что не хочет больше сопротивляться.

Анна смотрела на его руку. Ей хотелось спросить: «Вы можете дать мне такую печать?» Но вместо этого она спросила другое:

— А если я поставлю её сейчас?

Человек в чёрном покачал головой.

— Не поможет. Вы уже открыли дверь.

— Я никому не открывала.

— Открыли. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — В первую ночь. Когда он пришёл. Вы его впустили.

Анна хотела возразить, но слова застряли в горле. Она вспомнила ту ночь: распахнутое окно, запах дыма и полыни, фигуру в углу. Она не кричала. Она не убежала. Она подалась вперёд.

— Что мне делать? — спросила она тихо.

— Уезжайте. Сегодня. Пока он не забрал вас окончательно.

— А если я не уеду?

— Тогда вы повторите её судьбу. — Человек в чёрном встал. — Или мою.

Он развернулся и пошёл к лестнице. У ступеней остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— Если ночью услышите шаги за дверью — не открывайте. Даже если вам покажется, что это я.

И ушёл.

Анна осталась одна. Плед сполз с плеч, но она не заметила. В голове билась одна мысль: «Вы его впустили».

Ночь пришла быстро.

Анна лежала в темноте, глядя в потолок. Окно она закрыла, но сквозняк всё равно гулял по комнате, шевелил шторы, трогал лицо холодными пальцами. За стеной что-то скрипело, то ли половицы, то ли сам дом, старый и усталый.

Она ждала.

Где-то в коридоре раздался звук. Тихий, но отчётливый. Шаг. Потом ещё один. И ещё.

Анна села на кровати. Сердце билось где-то в горле. Она смотрела на дверь.

Шаги приближались. Медленно, но неотвратимо. Вот они уже у самой двери. Остановились.

Тишина.

В щели под дверью появилась полоска тусклого света, жёлтого, как от свечи. И в этой полоске что-то шевельнулось.

Тень.

Она колебалась, как будто тот, кто стоял за дверью, переминался с ноги на ногу. Анна слышала его дыхание — низкое, хриплое, как у больного зверя.

— Открой, — произнёс голос.

Анна вздрогнула. Это был голос человека в чёрном. Но что-то в нём было не так. Он звучал глуше, как будто доносился из-под воды.

— Открой, — повторил голос. — Это я. Мне нужно поговорить.

Анна не шевелилась.

— Я знаю, что ты слышишь меня. Открой. Это важно.

Она закрыла глаза. Ладони сжали простыню.

— Открой, — голос превратился в шипение. — Или я сам войду.

И вдруг — тишина.

Анна открыла глаза. Полоска света под дверью погасла. Тень исчезла. Шагов не было слышно.

Она просидела так до самого утра, не шевелясь. Когда первые лучи солнца проникли в комнату, она встала и подошла к двери. На полу, перед самой дверью, лежало то, чего не было раньше.

Маленький серебряный крест. Перевёрнутый.

Анна наклонилась, подняла его. Металл был холодным. Она сжала крест в ладони и прижала к груди.

И тогда услышала за спиной знакомый голос:

— Ты не открыла.

Анна обернулась. В углу комнаты, у камина, стоял Ашмедай. На этот раз он был ближе, чем когда-либо. Его чёрные глаза блестели в полумраке, как мокрые камни. Воздух в комнате стал горячим, тяжёлым, как перед грозой. Свечи в канделябре вспыхнули сами собой, жёлтые языки пламени задрожали, отбрасывая на стены длинные тени.

— Ты сильнее, чем я думал, — сказал он. — Но этого мало.

Он шагнул к ней. Анна не отступила. Перевёрнутый крест в её ладони начал нагреваться, сначала едва заметно, потом всё сильнее, пока не стал обжигать.

— Почему ты не уходишь? — спросила она, разжимая пальцы. Крест упал на ковёр с глухим стуком.

— Потому что ты не хочешь, чтобы я уходил.

Это была правда. И от этой правды было страшнее всего.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Тебя. — Он подошёл вплотную. Его жар окутал её, как горячая волна. — Всю. Без остатка.

— А если я откажусь?

— Тогда я возьму силой. — Он наклонился к её уху, и его дыхание обожгло кожу. — Но ты не откажешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.